

Эту книгу хорошо дополняют:

Слон на танцполе

Евгений Карасюк

Сколково: принуждение к чуду

Олег Рашидов

И ботаники делают бизнес

Максим Котин

Валерий Панюшкин

РУБ
ЛЭВ
КА

Player's handbook

Издательство «Манн, Иванов и Фербер»
Москва, 2013

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие издателя	8
Предисловие автора	10
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: УТРО	13
Введение в Игру	13
Глава первая. Игра начинается	23
Глава вторая. Обыватель	41
Глава третья. Трендсеттер	96
ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ДЕНЬ	127
Глава четвертая. Проект	135
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ВЕЧЕР	171
Глава пятая. Адепт	176
Глава шестая. Чиновник	211
Глава седьмая. Жрец	222
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: НОЧЬ	245
Глава восьмая. Богоборец	249
Эпилог: мертвец	258
Именной указатель	263

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

«...человек счастлив не тогда, когда живет на четырехмиллиардной горе денег, а когда идет в гору...»

ГЛАВНОЕ — НЕ ОШИБИТЬСЯ С ВЫБОРОМ ГОРЫ! Чтобы не только восхождение, но и пребывание на ней оправдали часы, проведенные в офисе, украденные у семьи минуты, отказ от части своих ценностей, постоянное напряжение и страх, что обойдут, а потом и придут...

Если ваша гора — это Олимп российского общества, Рублевка, — непременно почитайте, что вы получите как награду за все ваши старания. Будете ли вы счастливы? Есть ли счастье на Рублевке? Готовы ли вы верить и поклоняться только одному богу, известному в этих местах, — Деньгам?

Мне было очень интересно читать эту талантливую книгу, изобилующую небольшими историями, зарисовками, деталями, доселе не известными, о людях, которых принято считать элитой нашего общества. Я с удивлением (хотя чему тут удивляться?) открыл для себя, что Рублевка — квинтэссенция противоречивой российской культуры, в которой перемешаны воровские законы и правила высшего общества, религиозность с вольной трактовкой божественной сути, замкнутость и закрытость (для чего

заборы-то в три метра?) с непроходящим желанием показать себя и самоутвердиться в чужом мнении.

Деньги, вопреки расхожему мнению, не делают человека свободным, скорее напротив, диктуют, как жить, а большие Деньги однозначно требуют поклонения и рабства. Большая часть жителей Рублевки не свободны и идут на это заточение добровольно. Добровольно мучаются в пробках, выбирают одежду, жену (мужа), дом, место отдыха по принятому стандарту.

Так найдите свою гору — и восходите на нее.

Михаил Иванов,
главный редактор издательства
«МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР»
IVANOV@MANN-IVANOV-FERBER.RU

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

ПОДЛЕ ЛЮБОГО МЕГАПОЛИСА на земле есть пригород для богатых. В Лос-Анджелесе — Беверли-Хиллз, в Лондоне — Аскот, в Париже — Нёйи-сюр-Сен, в Берлине — Груневальд. Большие и красивые дома, ухоженные сады, дорогие автомобили, никаких мигрантов, изысканная публика. Про эту изысканную публику — дежурный набор легенд, которые рассказывает экскурсовод провинциальным школьникам, расплуснувшим носы об автобусные стекла и глазеющим на особняки богачей и знаменитостей. И огромная имущественная пропасть разделяет домовладельцев и экскурсантов в автобусе.

Под Москвой такой заповедник миллионеров называется Рублево-Успенское шоссе, или Рублевка.

Однако туда не водят экскурсий. Особняки, как правило, нельзя разглядеть за высоченными заборами. И пропасть между домовладельцами на Рублевке и простыми людьми не только имущественная, но и культурная. Когда ездил сюда на соколиную охоту царь Иван Грозный, когда паломничали пешком по «царской» дороге в Саввино-Сторожевский монастырь цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович, между богатыми и бедными имелись различия только экономические

и сословные. Но во времена Петра I общество раскололось глубже. Живут по-разному, едят разное, пьют разное, по-разному развлекаются и даже говорят не на одном языке. И когда после Петра Великого селились по этой дороге шестнадцать княжеских родов, включая Юсуповых, Шуваловых и Голицыных, богатство от бедности в России отличалось уже не только арифметически. Уже не в количестве денег было дело, и не в числе душ по ревизской сказке — в самом образе жизни. Так с тех пор и осталось. Богатые и бедные в России — два разных народа. У них разные культуры и даже религии разные.

Французский аристократ ест на ужин примерно то же, что французский крестьянин — в первом приближении вино и сыр. Конечно, дорогое вино и дорогой сыр. Вероятнее всего, простолюдин во Франции не задумываясь скажет, как называется любое блюдо на столе у миллионера. Российский же простолюдин, доведись ему попасть в рублевский ресторан, не поймет в меню половины названий. Что такое тюрбо? Что такое севиче? Трюфель — это разве гриб, а не конфета? Чем отличается белон от фин де клера и как это вообще едят?

В XIX веке, когда здесь жила аристократия, вплоть до членов царской фамилии, в домах говорили по-французски или по-английски, а прислуга пользовалась русским языком, которого господа часто и не понимали. В начале XX века в рублевских домах жили грамотные, а вокруг них — безграмотные. Во второй половине XX века — сытые, а вокруг них — голодные, выездные в окружении невыездных. И каждый период рублевского благополучия

неизменно кончался катастрофой для тех счастливых домовладельцев, которым вчера еще завидовали поголовно.

Кажется, и теперь очередной взлет Рублевки близится к концу. Богатые и знаменитые уже довольно явно бегут из благословенных краев. А мы до сих пор даже не знаем, что это за люди. Что едят, что пьют, во что верят, к чему стремятся, чего боятся, на что надеются...

И в конце концов! Откуда у них столько денег?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: УТРО

ВВЕДЕНИЕ В ИГРУ

1. МАШИНЫ НА КОЛЬЦЕВОЙ автомобильной дороге подобны каплям воды в клепсидре: каждые тридцать секунд по одной просачиваются в узкое горло Рублево-Успенского шоссе и там уже текут медленно. Как будто отмеряют собою ход особенного времени, более существенного и плотного, чем у обычных людей.

Бог знает чем руководствуется регулировщик, когда заставляет нас стоять или позволяет двигаться. Длинная вереница машин безропотно ожидает в пробке. В каждой машине водитель звонит кому-нибудь, чтобы предупредить об опоздании. Звоню и я: «Сан Саныч, простите, я к вам опоздаю, наверное! Тут какой-то идиот гаишник регулирует движение так, что никто никуда не едет!»

Голос в трубке смеется: «Напрасно вы, Валерий, думаете, будто гаишник регулирует движение для того, чтобы вы куда-то ехали. У него другие задачи. Он готовит трассу для проезда правительственного кортежа. В этом смысле его действия совершенно рациональны и профессиональны, — слышу, улыбается. — Не волнуйтесь. Подожду».

А я и так уже не волнуюсь. Выехав на Рублевку, всякая машина движется размеренно, со скоростью шестьдесят километров в час. И дело даже не в том, что обогнать никого нельзя. Не в том, что дорога в две полосы, разделенные на всем протяжении двойной сплошной линией. И не в том, что скорость превысить нельзя, так как на каждой версте стоит регулировщик. Тут магия какая-то. Дерк Сауэр, один из первых иностранцев, поселившихся на Рублевке, говорит: «Вот странно, вроде и в пробке стоишь, вроде и ждешь по сорок минут, пока проедут кортежи, но достаточно бывает пересечь по Рублевке границу Москвы, и я как будто дома, уютно как-то становится»...

Особое умиротворение чувствует на этом шоссе всякий. Мы движемся медленно, а навстречу так же медленно катят машины представительского класса — «Мерседес», «Мерседес», «Майбах», «Мерседес», «Бентли» (хоп! «Фольксваген» — это наверняка прислуга), «Мерседес», «Мерседес», «Майбах», «Мерседес»... Мы движемся медленно, а вокруг вековечный лес, и на опушке леса — рекламные плакаты, предлагающие купить колечко по цене небольшого поместья, поместье — по цене небольшой страны, лодку — по цене небольшого авианосца или... Или нанять горничную-филиппинку, которая всегда улыбается, чисто метет и неизвестно куда исчезает на ночь (вероятно, ставит саму себя, неприметную, вместе со швабрами в шкаф).

Здесь всегда было так: свое время, особенное пространство. Имения царской семьи в девятнадцатом веке, дачи и санатории ЦК КПСС — в двадцатом, дворцы олигархов — в двадцать первом. Всегда так было здесь, на этом

никакими морями не окруженном острове благополучия под названием Рублевка.

Если предложить риелтору обвести на карте границы Рублевки, то риелтор нарисует фигуру, более или менее напоминающую огурец. Границы престижной Рублевки протянутся не от Кольцевой автомобильной дороги, а примерно от Ромашкова до Николиной Горы — всего-то двадцать километров, если напрямик, как летает птица. А в ширину — километров по пять-семь вправо и влево от Рублево-Успенского шоссе. На север до Ильинского — Рублевка, престижно. За Ильинским уже не престижно, там уже Новая Рига. На юг до Лайкова — престижно, а за Лайковым уже не очень, там Минское шоссе. И сколько ни спрашивай риелтора, почему именно так пролегли границы престижности, тот будет только плечами пожимать, дескать, исторически сложилось. Вроде и сосновые леса на Новой Риге те же, и Москва-река течет та же за Николиной Горой. Но священной земли там нет. Священная земля здесь, вокруг Рублево-Успенского шоссе, огурцом: примерно двадцать километров в длину и десять в ширину.

Объяснение границам найдется, если, например, ввести в гугл-карты запрос «Рублево-Успенское шоссе кладбища». И увидеть: кладбища на карте располагаются строго по границам престижной Рублевки, которые интуитивно обозначил риелтор.

Ближе Ромашкова к Москве жить нельзя — в Ромашкове кладбище. Южнее Лайкова жить нельзя — в Лайкове кладбище. Севернее Ильинского нельзя — кладбище

в Ильинском. И дальше Николиной Горы нельзя, потому что за Николиной Горой в Аксиньино — тоже кладбище.

А здесь, на Рублевке, кладбищ нет. Считаю — нет смерти. Во всяком случае, наглядных ее проявлений. Вот мы и едем медленно по этой священной и не знающей смерти земле, как ехала 19 января 2011 года на скромном «Опеле-Астра» двадцатитрехлетняя Елена Ярош. Надо полагать, с тем же чувством умиротворения. Пока не вылетел ей навстречу черный БМВ представителя президента в Госдуме Гарри Минха... Лобовое столкновение. Водитель Минха погиб на месте, Елену Ярош доставили в больницу с сотрясением мозга и множественными переломами, а самому Минху — ничего. Стало быть, бессмертные, конечно, живут на Рублевке. Но не все тут бессмертные, а лишь некоторые. Немногие тут, как в компьютерной игре, завладели волшебными доспехами, дополнительными жизнями, сверхъестественными способностями, такими как, например, способность Гарри Минха не получить ни царапины при лобовом столкновении машин. Или повлиять на суд, чтобы тот не признал Елену Ярош даже пострадавшей в аварии.

Впрочем, могущественный Гарри Минх, которому позволено ездить на Рублевке по встречной полосе и которому ничего не бывает в результате автомобильных аварий, остановился бы, если бы ему, как мне сейчас, дорожный полицейский махнул жезлом. Мерседесы, майбахи, бентли — все жмутся к обочине, все замирают, как жучки-притворяшки, будто бы их и нет. Стоим на обочине тихо, окон не открываем, из машин не выходим, на клаксон

не нажимаем, потому что через сорок минут промчится мимо кортеж Первого Лица, ради которого останавливается шоссе и отползают на краешек все автомобили. И какой бы ты ни был Гарри Минх, сколько бы у тебя ни было запасных жизней, кортеж Первого Лица лишит тебя всех их разом, как в компьютерной игре «Варкрафт» эльф восьмидесятого уровня одним лишь заклинанием уничтожает любого воина, добравшегося только до двадцатого уровня или до тридцатого. Вот и стоим, тихо стоим в своих автомобилях представительского класса. Дураков нет проверять, что получится, если выехать, к примеру, поперек дороги или загудеть в клаксон. Стоим. И еще минут сорок простоим.

Иностранцы, впервые попадающие на Рублевку, недоумевают: отчего это ради проезда президента или премьеря надо перекрывать и останавливать целое шоссе на сорок минут? Почему не на пять? Но мы, погруженные в ролевую Игру «Рублевка», как подростки бывают заражены играми «Варкрафт», «Моровинд», «Обливион» или «Скайрим», — мы понимаем.

«Зачем сорок-то?» — недоумевает Дерк Сауэр.

И это значит, что за двадцать лет жизни в здешних местах уважаемый издатель газеты «На Рублевке» не понял элементарных особенностей ее быта. Путин ведь едет от Усова. От Усова до Москвы семнадцать километров. Туда и обратно офицер путинской охраны, отвечающий за пустоту шоссе, проезжает примерно за сорок минут. Офицер лично проверяет, остановлено ли движение, поголовно ли согнаны на обочину наши автомобили, не выходим ли

мы из машин, не гудим ли в клаксоны. И если Дерк Сауэр вдобавок спросит, почему бы расставленным на каждом километре регулировщикам по рации не отчитаться начальнику стражи, что шоссе стоит, то опять выйдет, что уважаемый издатель ничего не понимает. Ведь если собирать доклады по рации, то ответственность — а значит, и власть — офицер охраны делит с регулировщиками. А если офицер осматривает шоссе лично, то ответственность вся на нем и власть вся — ему. Он незаменим и, следовательно, неуязвим, пока Первое Лицо доверяет ему обеспечивать пустоту дороги, пока велит ездить от Усова до Москвы и обратно. Делегировать свою незаменимость, неуязвимость, ответственность и власть подчиненным — это даже не против правил, а против самого духа Игры, в которую вольно или невольно, сознательно или бессознательно играют на Рублевке все, кроме грудных детей.

2. А КАК ПОПАДАЮТ В ИГРУ? Как меняют социальный статус? Как превращаются из людей типа Елена Ярош в людей типа Гарри Минх? Вера Кричевская говорит: «Я не меняла социального статуса. Ничего не изменилось от того, что я живу на Рублевке. Я как работала, так и работаю. С кем дружила, с теми и дружу».

Но дело не в социальном статусе. Дело в том, в Игре ты или вне Игры. И вот как Вера Кричевская попала в Игру.

Ей было двадцать пять. Она уже семь лет как работала журналистом. Она обратила на себя внимание, еще будучи школьницей, когда выходила в Ленинграде митинговать с требованием, чтобы газета «Смена», с которой Вера

сотрудничала, перестала подчиняться Ленинградскому горкому комсомола.

Она прославилась в августе 1991-го, когда пересказывала по Ленинградскому радио репортажи, надиктованные ей приятелем из мятежного ельцинского Белого дома. В двадцать пять лет она работала режиссером и продюсером на телеканале НТВ и делала блестящую телевизионную карьеру: хорошо зарабатывала, придумывала проекты, про которые принято говорить «ух ты, круто!», пользовалась уважением коллег и начальников. Но не была в Игре. Все еще числилась среди тех, кто берет интервью, а не тех, у кого берут.

И вдруг что-то случилось. Ей позвонил тогдашний владелец НТВ Владимир Гусинский и позвал на совещание к себе в офис. Ее? Непосредственные Верины начальники понятия не имели, что бы это значило. Через их головы? Двадцатипятилетнюю девочку-режиссера? В кабинет к Гусинскому?

Да Вера вдобавок и опаздывала. Выжимала как могла педаль газа в плохоньком своем жигуленке, но машина, казалось, вообще не двигалась. Машина, которой еще накануне Вера гордилась, потому что купила ее на свои деньги, вдруг, когда понадобилось ехать в офис к владельцу телекомпании, оказалась никуда не годной. Вера опаздывала на полчаса и, входя в приемную, думала, что теперь ее точно убьют, съедят или как минимум уволят. Но, к счастью, Гусинский опаздывал еще сильнее.

В приемной Гусинского ждали люди, к которым Вера относилась ну если не как к небожителям, то около того.

Подойти к каждому из них с частным вопросом стоило Вере усилий.

— Олег Борисович, — это к тогдашнему вице-президенту компании НТВ Добродееву. — Вы случайно не знаете, почему меня позвали на совещание?

— Понятия не имею, — Добродеев пожал плечами. — Но вы не беспокойтесь, Вера. Мы, если что, вас поддержим.

— Евгений Алексеевич, — это к другому вице-президенту и ведущему программы «Итоги» Киселеву. — Вы не знаете, за что меня?

— Вер, ну не надо так сразу отчаиваться!

Но так хотелось отчаяться, что чуть не до обморока.

— Игорь Евгеньевич, — это, когда паника приблизилась почти вплотную, к президенту и генеральному директору Малашенко. — Что я такого сделала?

А Гусинского все не было. Час не было. Полтора часа. На исходе второго часа опоздания Гусинский явился. Шумный, быстрый, грузный. Всем пожал руки, сразу приступил к делу. Сказал, что телекомпания НТВ должна открыть огромный корпункт и представительство в Петербурге. Что бюджет Петербургского отделения и число работающих там будут сопоставимы с бюджетом и штатом московским, что сроки кратчайшие, что ответственность огромная и... И что возглавит весь этот проект Вера Кричевская, которая вот тут сидит, прошу любить и жаловать.

От неожиданности они даже задохнулись, все эти президенты и вице-президенты. Не сразу смогли переварить, что двадцатипятилетняя девочка-режиссер вдруг стала им

ровней. Потом принялись подбадривать, обещать содействие, говорить, что, дескать, верят в нее. А сами не могли понять почему. Почему вдруг она? Должна же быть какая-то причина. Какая-то же благодать должна была снизойти на рыжую ее голову. Ну не любовница же она Гусинскому? Любовниц берут секретаршами, пристраивают к синекурам, а в Игру не берут, даже жен не берут, кроме редчайших исключений.

Сама Вера ни малейшего представления не имела, какая, где и когда снизошла на нее благодать. Она понимала только, что если упустит этот шанс, то второго не будет. Вернулась в родной Петербург, наняла людей, выстроила инфраструктуру, учредила для своих журналистов драконовские порядки пополам с дворянскими привилегиями — и через несколько месяцев повезла президентов и вице-президентов во главе с Гусинским на самолете Гусинского в Петербург торжественно открывать корпункт и представительство. А во время торжественного открытия, когда стало уже понятно, что ее работой довольны и что шанса своего Вера не упустила, — подошла к дизайнеру Семену Левину, допущенному к Гусинскому в конфиденты, и спросила:

— Семен Менделевич, — чужие звали Левина Семеном Михайловичем, Вера — Семеном Менделевичем, подчеркивая, что своя, — вы не знаете, почему все-таки Гусинский выбрал меня организовывать питерский корпункт?

Левин обещал выяснить и через несколько часов рассказал. Оказывается, Гусинский заметил Веру во время «Новогоднего огонька», праздничного ночного шоу, которое

записывало НТВ за девять месяцев до событий. Эстрада, артисты, столики, шампанское, свечи... Вера была режиссером и продюсером этого шоу, а Гусинский пришел с женой, никого не предупредив, что придет, и столика ему не хватило. Кто-то из ассистентов передал Вере, что где-то в зале — Гусинский с женой, но места для него нет. Вера по неопытности не знала, как Гусинский выглядит, но знала, что он владелец компании. И тогда она заорала: «Вот здесь, на этом месте, чтоб был стол через тридцать секунд!» — «Так нет же стола нигде...» — промямлил ассистент. «Так найди, блядь! — вопила интеллигентная девушка из приличной петербургской семьи. — Двадцать секунд! Чтоб стол, скатерть, свечи, посуда и приборы! Бего-о-ом!»

А неузнанный Гусинский стоял рядом, любовался Верой и думал: если по ее приказу сейчас действительно явится стол, то надо брать девочку в Игру.

Стол явился. И Вера оказалась в Игре.

Реликвии, подходящие Игроку, и атрибуты, такие как дом на Рублевке, были теперь делом времени и, разумеется, доставались Вере на особых условиях или за полцены. Дом в поселке Чигасово Вера купила тогда, когда у Гусинского стало туго с деньгами и он распродал поселок своей мечты, в котором жил сам, в котором селил своих замов и вице, в котором обихаживал прикормленных им политиков, юристов, общественных деятелей. Еще на что-то надеясь, Гусинский распродал дома своим, знакомым, приближенным, то есть с огромными скидками. Вот Вера и купила.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

